

DOI:

ЖРЕЧЕСКИЙ СУБКУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС У ОСЕТИН

А.Б. Багаев

Мужские объединения, характерные для традиционного общества, играли в жизни социума важную роль. В большой степени это относится к элитарным мужским сообществам, среди которых особое место занимают объединения, формируемые на основе того или иного рода деятельности. В традиционном обществе одним из главных назначений этих сообществ было сохранение и систематическое воспроизводство, а в необходимых случаях – и трансформация социально значимого опыта. Мировоззренческие установки, особенности мышления и стереотипы поведения, сложившиеся в рамках мужского союза, оказывали воздействие на все общество. У многих народов мужские объединения в пережиточном виде сохраняются и в настоящее время. У осетин одно из таких элитарных мужских сообществ составляли жрецы. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется особой ролью жрецов в общественной жизни традиционного осетинского общества. В данной работе рассматриваются характерные особенности поведения и жизнедеятельности осетинских жрецов. Научная новизна исследования определяется тем, что данная работа является первым комплексным исследованием субкультурного комплекса жрецов, выполненным на осетинском материале. При разработке темы были использованы данные письменных источников и этнографический материал. В ходе исследования выявлены основные элементы жреческой субкультуры у осетин; определены основные критерии, необходимые для получения статуса жреца; выявлены основные жреческие функции; описаны два варианта обряда жертвоприношения, практиковавшихся осетинскими жрецами; установлено существование особой формы жреческой молитвы; рассмотрен обряд, использовавшийся жрецами для профилактики злодеяний и выявления преступников; выявлены характерные особенности поведения жрецов; установлены отличительные особенности жреческого облачения. Проблема, рассматриваемая в статье, требует дальнейших углубленных исследований.

Ключевые слова: мужские субкультуры осетин, жрецы, дзуарылаг, жертвенное животное, обряд жертвоприношения, святилище.

Для цитирования: Багаев А.Б. Жреческий субкультурный комплекс у осетин // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 54(93). С.49-55. DOI:

В традиционном обществе особое значение имели различные мужские объединения. Как правило, многие из этих сообществ являлись объединениями мужчин либо по возрасту, либо по характерному занятию. В ходе длительного взаимодействия члены этих сообществ вырабатывали определенные культурные образцы, социальные стереотипы, ритуалы и обычаи, впоследствии вошедшие в культуру всего общества и игравшие важную роль в сохранении и развитии социума. Ключевую роль они играли и в социализации молодежи. В особенности это касается мужских элитарных объединений. Вследствие этого

исследование мужских объединений традиционного общества и созданных ими субкультур приобретает актуальный характер.

Обозначенные мужские объединения и характерные для них субкультуры просматриваются и в традиционном осетинском обществе. Их всестороннее исследование позволит лучше рассмотреть и понять ментальные особенности современных осетин. Кроме того, исследования в данной области позволят разрешить многие вопросы в этнической истории осетин. Элитарной мужской субкультурой у осетин была субкультура жрецов-дзуарылагов.

Специальных работ по данному вопросу нет, однако отдельные стороны жизни жрецов нашли отражение в некоторых осетино-ведческих исследованиях (см., например: [1; 2; 3; 4]).

В традиционном осетинском обществе не каждый человек мог получить сан жреца. Для того, чтобы стать жрецом необходимо было обладание рядом весьма ценных в традиционном осетинском обществе качеств. Одним из основных критериев был возраст. Предпочтение отдавалось мужчинам старшей возрастной группы. Кроме этого, жрец должен был обладать выдающимися способностями в религиозно-культурной сфере, быть мудрым, честным и справедливым человеком.

Как известно, в осетинской традиции религиозный праздник (*дзуарыбон*) чаще всего проводится один раз в году и занимает один день. В этот день все важнейшие ритуалы проводил *дзуарылаг* конкретного божества и святилища. В прошлом в Осетии у каждого святилища был свой *дзуарылаг*.

Так, А.М. Шегрен отмечает: «При каждом капище состоит жрец, называемый на северном склоне Кавказского хребта *дзуари-лаг*, на южном же склоне – по-гречески, иногда и «деканос» [5, 56]. Надо отметить, что слово «деканос» для обозначения жреца использовалось и в некоторых обществах Северной Осетии.

В традиционном осетинском обществе большинство общественных праздников имели религиозный характер. Сообразно представлениям осетин общесельские праздники были непременным условием благоденствия сельской общины [6, 212]. Местом их проведения обычно служила территория святилища или ровные площадки рядом с ней. Организатором и руководителем религиозных празднеств являлся жрец божества, в честь которого и проводился праздник. Его мнение было решающим при выборе дня празднования [7, 32].

Ритуальные действия как для жреца, так и для всех участников обряда, должны были проводиться с соблюдением благочестия. Жрец, а вместе с ним и все молящиеся, должны были придерживаться определенных регламентированных правил поведения. Так, по свидетельству анонимного автора, «в

день праздника одна только рука его (жреца. – А.Б.), вооруженная священным ножом, может коснуться животных, приводимых народом на заклание; он окропляет кровью сих жертв стены и преддверие храма; он принимает скудные приношения осетин и ему вверяется хранение оных и, наконец, он громогласно испрашивает жертвующим небесного благословения» [8, 14-15]. Полевой материал, собранный Б.А. Алборовым, также говорит о том, что жертвоприношения в святилищах приносили *дзуарылаги* [7, 54]. Вследствие того, что в традиционном обществе только жрец был посвящен во все таинства принесения жертв, только он и мог совершать обряд жертвоприношения.

Поскольку процедура жертвоприношения являлась важным элементом в субкультуре осетинских жрецов, необходимо более подробно остановиться на ней. В зависимости от повода, жертвоприношения условно можно разделить на кровные и бескровные, общественные и частные (семейные), обычные, благодарственные, очистительные, гадательные. В традиционном осетинском обществе всякое мало-мальски значимое дело сопровождалось ритуальными действиями с кровными жертвоприношениями [9, 2].

Согласно религиозным установлениям осетин в жертву богам можно было приносить из крупного рогатого скота быков и коров, из мелкого – коз и овец, а из дичи – оленей, кавказских туров и зубров. В качестве жертвы предпочтение отдавалось самцам, но если таковых не было, можно было резать и самок. Достойными для жертвоприношения считались только самые лучшие животные в стаде (*фосы сарта*). Они обязательно должны были быть здоровы и крепкого сложения, без каких-либо изъянов и недостатков. Наличие ранений или других видимых повреждений и увечий являлось препятствием для принесения животных в жертву [10, 414; 11, 2]. Жрецы очень внимательно следили за качеством приносимых в жертву животных. Если жрец находил жертвенное животное недостойным для принесения в жертву, то он не проводил обряд.

Процедура принесения в жертву животного совершалась с соблюдением определенного ритуала. Перед закланием тело живот-

ного очищали от всякой грязи, а в необходимых случаях даже купали. Мелкий рогатый скот резали на специальном трехном или четырехном столе (*кусартгаенан фынг*). В прошлом такие столы были в каждом осетинском доме. Крупный рогатый скот резали на досках (сене или соломе), уложенных в чистом месте на земле.

Совершение жертвоприношения было одним из главных функций дзуарылагов [10, 444]. Жрец должен был приносить жертвы, строго следуя обычаям предков. Всякие нововведения были запрещены.

Перед закланием животному давали соль. Жрец и два его помощника (согласно представлениям осетин, резчиков должно было быть только трое) становились лицом на восток, с правой стороны от жертвенного животного. Перед ними на круглом треногом столике было три ритуальных осетинских пирога и кувшин с аракой или пивом. Начиная обряд жертвоприношения, жрец возносил молитву богам. Основная часть его молитвословия была посвящена божеству (или человеку), в честь которого производилось жертвоприношение. Окончив ритуальную речь, жрец выливал часть напитка в огонь, потом давал сделать глоток самому младшему из присутствующих лиц мужского пола и затем сам выпивал все содержимое бокала. Его помощники также выливали часть напитка из своих бокалов в огонь, остальное выпивали. Затем жрец брал из костра горящее полено и делал жертвенному животному крестообразную метку на шее за правым ухом и на морде. Когда дым от опаленной шерсти поднимался вверх, он громко произносил: «Пусть наше приношение будет угодно богу». Далее он становился с левой стороны от лежащего на боку жертвенного животного и брал его за рог (если это был бык), если же это был баран или козел, тогда брал его за морду. Его помощники держали животное за ноги (причем один обязательно держал передние ноги, а другой задние). С этого момента никто из присутствующих не должен был говорить. Жрец отделял голову животного от туловища, потом подносил его к огню, немного обжигал место разреза огнем и обратно на долю секунды прикладывал к месту отреза. После этого он отделял от ту-

ловища животного ноги. До тех пор, пока голова и ноги жертвы не были отделены от туловища и не уложены рядом в определенном месте, никто из находящихся рядом с жрецом людей не должен был что-либо делать. Все должны были бездействовать и хранить молчание. Рассматриваемая процедура являлась самой распространенной.

В жреческой субкультуре практиковалась и другая форма жертвоприношения. Судя по сообщению письменных источников, это жертвоприношение посвящалось богу грома и хлебов – *Уацилла*. Данный вариант жертвоприношения предполагал сохранение на шкуре головы и ног животного. Так, Н. Берзенов сообщает: «Затем начался обряд *Вацилла* таким образом: зарезали козла и сняли шкуру, при которой были оставлены ноги и голова, – повесили ее на вершине длинного шеста; шест был воткнут в каменном холмике, нарочно сделанном для этой цели вблизи нихаса, – он неприкосновенен, пока само время не истребит его» [12, 2].

Обряд с установлением шкуры с головой на высоком шесте или ветвях дерева осуществлялся после ритуального пира [13, 2]. Некоторые авторы отмечают, что при исполнении данного обряда в жертву приносили черного козла [8, 2]. Рассматриваемый обряд жертвоприношения также проводил жрец. Если обряд производился не в святилище, то жреца мог заменить самый старший из мужчин. Мясо там же варилось и съедалось, кости складывались в кучу на месте жертвоприношения [9, 2].

Кровь жертвенного животного имела сакральное значение и в обоих вариантах собиралась в специально подготовленную посуду (*тугарз*). Ни одна ее капля не должна была пролиться. В конце обряда рыли глубокую яму, выливали ее туда и засыпали землей так, чтобы животные, в особенности считавшиеся «нечистыми», не могли до нее добраться.

В традиционном осетинском обществе жертвоприношение всегда сопровождалось ритуальным пиром (этот принцип живет и в настоящее время).

У осетин, как и у многих других народов, жертвоприношение и последующий ритуальный пир сопровождалось молитвами. Осетинские молитвы довольно разнообразны,

носят импровизированный характер, но составляются по определенной системе [6, 215]. Жрец должен был хорошо знать молитвы. Прекрасно ориентироваться в каких случаях, какие молитвы следует возносить и делать это воодушевленно и красиво. Он должен был обладать даром красноречия, уметь говорить долго, вдохновенно, убедительно.

Во время молитвы совершаемой жрецом в день праздника народ стоял в почтительном удалении от святого места и молча внимал молитвам дзуарылага. Интересный момент о молитве осетинского жреца есть в статье А.М. Шегрена, впервые вышедшем в печать в 1843 г. «Сперва обращаются к святому, которого празднуют, прося его о защите и покровительстве; потом просят Илью Пророка о покровительстве стад, святого Георгия об успехе предпринимаемой дороги или набега, чтобы просящим все было хорошо и все удалось, неприятелям их было бы противное; чтобы, когда едут на грабеж или воровство, предприятие это увенчалось успехом, если же к просящим придет с тою же целью неприятель, то, чтоб не имел успеха и его можно было поймать вовремя. – В заключении всей молитвы обращаются к богу о ниспослании всех благ на землю их, и всех зол на врагов» [5, 57]. В более позднее время порядок молитвы стал иным. Он практикуется и сейчас. Сначала обращаются к богу, потом к Уастырджи, а потом и к другим небесным покровителям. То, что, по сообщению Шегрена, к единому богу обращались в конце молитвы, а не в начале (как в наше время), говорит о слабом воздействии авраамических религий на субкультуру осетинских жрецов. Дзуарылаги продолжали сохранять систему религиозных взглядов более раннего времени. В последующее время структура традиционной осетинской молитвы под воздействием проповеди монотеистических религий претерпевает трансформации, хотя и сохраняет традиционный трафарет, меняется лишь место упоминания единого бога в молитве и слова молитвы.

Важной общественной функцией, которую осуществляли жрецы, была борьба с воровством и другими преступлениями, разрушавшими целостность общества. Так, в день праздника Ичина в с. Архон у святилища

Саниба при собирании всего общества жрец проводил особый ритуал. Действо начиналось с того, что жрец ударял в небольшой колокол, висевший у входа в святилище. Далее он начинал взывать к божеству. Он просил покарать преступников. Богомольцы стояли коленапреклоненные и без головных уборов. После каждой своей тирады жрец ударял в колокол, а богомольцы единогласно произносили «аминь». По свидетельству информантов, в этот день преступники сознавались в кражах и других преступлениях. Если же злоумышленники не каялись, то обычно в течение года их настигала божья кара. Обряд имел и профилактическое значение, так как многих он предохранял от совершения злодеяний [14, 75].

Существует мнение, что у осетинских жрецов был особый внутригрупповой язык. Так, по мнению А.А. Сланова, у дзуарылагов был тайный язык, который в некоторых осетинских преданиях называется *хатиагавзаг* [15, 114]. В письменных источниках нам не удалось обнаружить данных о каком-либо внутригрупповом языке у осетинских жрецов. Однако совсем исключать этот важный субкультурный элемент мы не можем.

Одним из важных функций жреца был уход за святым местом: «Надзор за святилищем поручается какому-нибудь почетному старику, который называется дзуарылагом» [1, 441].

Прежде всего он должен был заботиться о святилище, и если он нуждался в ремонте, то жрец обращался к молодежи и организовывал ремонтные работы. Участие в этом деле считалось почетной обязанностью. Жрец предварительно инструктировал лиц, помогавших ему в этих работах. Они должны были пройти обряд ритуального очищения и лишь после этого приступить к работе [7, 43]. В святилищах небольших сел или родственных коллективов уход за святым местом осуществлял только сам жрец. Дзуарылаг был не просто инициатором мероприятий по наведению порядка в святилище, но и сам принимал в этих работах активное участие.

В некоторых святилищах жрец распорядился собранными пожертвованиями. Однако он делал это не во благо себе, а для всей общины. Обычно он собирал денежные

пожертвования и на следующий праздник устраивал ритуальный пир [7, 43].

Особое место в субкультуре жрецов отводилось знамени. Известно, что в прошлом в некоторых осетинских святилищах хранились хоругви. Так, анонимный автор XIX в. отмечает, что осетинские святилища «украшаются мелкими хоругвями, большей частью из красной бумажной материи» [8, 16]. Сообщения письменных источников подтверждает и археологический материал [3, 150]. По представлениям осетин они имели сакральную силу и использовались в религиозных ритуалах. Во время праздника жрец выносил их к богомольцам. «Деканоз из осетин с хоругвью... благословляет их громкими и звучными словами на туземном их языке и наклоняет хоругвь над головою каждого из прикладывающихся, после чего они передают младшему деканозу свои доброхотные приношения» [16, 153]. Священнодействие с использованием сакрального знамени оказывало на людей благодатное воздействие. По представлениям осетин, хоругви, хранимые в святилищах, обладали сверхъестественными свойствами: они оберегали богомольцев от воздействия враждебных сил, а в борьбе с врагами приносили победу.

Дзуарылаги распоряжались обрядовой утварью, хранившейся в святилищах. Так, во многих святилищах Осетии хранились специальные медные котлы для варки пива или мяса. Доступ к ним кроме жреца был запрещен для всех [17, 134; 10, 454].

В субкультуре осетинских жрецов особое внимание уделяли одежде. Специальных головных уборов или каких-либо специальных религиозных атрибутов, выделявших жрецов среди остальных членов общества, не было. Однако существовали негласные правила, регулировавшие одеяние жрецов. Внешний вид и одежда жрецов соответствовали нормам, установленным многими поколениями. Как и у многих других народов, у осетин белый цвет является символом чистоты и свято-

сти. По этой причине жрецы первоначально носили одежду белого цвета из овечьей или козьей шерсти, а позже и из других тканей. Отправляясь в святилище, дзуарылаг одевался в заранее приготовленную чистую одежду. Вход в святилище дозволен был только при ритуальной чистоте. У осетин жрецы носили обувь только из шкур «чистых» животных, то есть животных, которых можно приносить в жертву. Носки также из шерсти и волоса ритуально чистых животных.

Осетинские жрецы практиковали обряды очищения. Для того, чтобы явиться перед божеством, за несколько дней до праздника дзуарылаг должен был самостоятельно пройти обряд очищения. Он воздерживался от определенной пищи, считавшейся ритуально нечистой. В день несколько раз купался. За три дня до праздника ежедневно омывался молоком [5, 58]. В святилище жрец входил босым, с непокрытой головой и без кинжала.

Таким образом, в традиционном осетинском обществе одно из мужских сообществ составляли жрецы-дзуарылаги. Их компетенции в религиозной сфере позволяли им занимать высокое положение в обществе. Особенности жизнедеятельности жрецов способствовали выработке у них особой субкультуры. Главной обязанностью жреца было знание всех тонкостей духовной жизни народа. Организация и проведение общественных праздников входили в компетенцию дзуарылага. Его исключительной прерогативой было проведение обряда жертвоприношения, а затем и молитвы в святилище. Священный сан жрецов находил отражение и в их поведении в обществе и ношении белой одежды. Важной обязанностью жреца был уход за святилищем, в необходимых случаях организация ремонта, а также содержание в порядке хранившейся там утвари. Их роль в жизни общества не ограничивалась только религиозной сферой – они считались «знающими людьми» и поэтому могли оказывать влияние на многие стороны жизни социума.

1. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 715 с.

2. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.

3. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.

4. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 232 с.
5. Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал: Ирыстон, 1981. Т. I. С. 52-80.
6. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения. Владикавказ, 2015. 441 с.
7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 54.
8. Анонимный автор. Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал: Ирыстон, 1981. Т. I. С. 14-22.
9. В.Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 339.
10. Айларов И.Х. Ирон фарн. Обычаи и образ жизни осетинского народа. Научно-популярное и учебное издание. Владикавказ: Ир, 1996. 520 с.
11. Кавказец. Весенние праздники осетин // Кавказ. 1900. № 198.
12. Берзенов Н. Очерки Осетии // Кавказ. 1850. № 48.
13. Переваленко В. Поездка в Кударское ущелье // Кавказ. 1849. № 40.
14. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.
15. Сланов А.А. Тайный язык воинов: Осетинский походный язык // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 110-116.
16. Беридзе И.Б. Вашкирки // Кавказ. 1855 №75.
17. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1924. С. 132-232.

Bagaev, Alan B. – VI. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); alon.baga@mail.ru

THE PRIESTLY SUBCULTURAL COMPLEX AMONG THE OSSETIANS.

Men's units, typical for traditional society, played an important role in the life of society. To a large extent, this applies to elite men's communities, among which a special place is occupied by associations formed on the basis of one or another type of activity. In traditional society, one of the main purposes of these communities was the preservation and systematic reproduction, and, where necessary, the transformation of socially significant experience. Ideological attitudes, features of thinking and behavioral stereotypes that developed within the framework of the male union influenced the whole society. Among many peoples, men's associations in a relict form are preserved to this day. Among the Ossetians, one of such elite men's communities was made up of priests. The relevance of the problem under consideration is determined by the special role of priests in the public life of traditional Ossetian society. This paper examines the characteristic features of the behavior and life of Ossetian priests. The scientific novelty of the study is determined by the fact that this work is the first comprehensive study of the subcultural complex of priests, carried out on Ossetian material. In developing the topic, data from written sources and ethnographic material were used. In the course of the study, the main elements of the priestly subculture among the Ossetians were identified; the main criteria necessary for obtaining the status of a priest were determined; the main priestly functions were identified; two versions of the sacrificial rite practiced by the Ossetian priests were described; the existence of a special form of priestly prayer was established; a rite used by priests for the prevention of crimes and the identification of criminals was considered; characteristic features of the priests' behavior were revealed; distinctive features of priestly vestments were established. The problem considered in the article requires further in-depth research.

Keywords: Ossetian male subcultures, priest, dzuarylag, sacrificial animal, sacrificial rite, sanctuary.

For citation: Bagaev, A.B. The priestly subcultural complex among the Ossetians // Izvestiya SOIGSI. 2024. Iss. 54 (93). Pp.49-55. (in Russian). DOI:

References

1. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992. 715 p.
2. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [The traditional spiritual culture of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 599 p.
3. Dzattiaty, R.G. *Kul'tura pozdnesrednevekovoi Osetii* [The Culture of Late Medieval Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 432 p.
4. Uarziati, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [Festive world of Ossetians]. Vladikavkaz, 1995. 232 p.
5. Sjögren, A.M. *Religioznye obryady osetin, ingushei i ikh soplemennikov pri raznykh sluchayakh* [Religious rites of Ossetians, Ingush and their fellow tribesmen on different occasions]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Tskhinval, Iryston. 1981, vol. I, pp. 52-80.
6. Khadikova, A.Kh. *Etnicheskie obrazy i traditsionnye modeli povedeniya* [Ethnic images and traditional behavior patterns]. Vladikavkaz, 2015. 441 p.
7. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 19. Inventory 1. Case 54.
8. [Anonymous]. *Veroispovedanie, sueveriya, obryady, pravlenie, obychai i nrawy osetin* [Religion, superstitions, rituals, rule, customs and manners of the Ossetians]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh*. [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and the Ossetians]. Tskhinvali, Iryston. 1981, vol. I, pp. 14-22.
9. V. Kh. *Koe-chto o digortsakh* [Something about the Digorians]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1887, no. 339.
10. Ailarov, I.Kh. *Iron farn. Obychai i obraz zhizni osetinskogo naroda. Nauchno-populyarnoe i uchebnoe izdanie* [Iron Farn. The customs and way of life of the Ossetian people. Popular scientific and educational publication]. Vladikavkaz, Ir, 1996. 520 p.
11. *Kavkazets. Vesennie prazdniki osetin* [Spring holidays of the Ossetians]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1900, no. 198.
12. Berzenov, N. *Ocherki Osetii* [Essays on Ossetia]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1850, no. 48.
13. Perevalenko, V. *Poezdka v Kudarskoe ushche'e* [Trip to the Kudar Gorge]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1849, no. 40.
14. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 4. Inventory 1. Case 109.
15. Slanov, A.A. *Tainyi yazyk voynov: Osetinskii pokhodnyi yazyk* [Secret language of warriors: Ossetian marching language]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2014, no. 3, pp. 110-116.
16. Beridze, I.B. *Vashkirki* [Vashkirki]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1855, no. 75.
17. Chursin, G.F. *Osetiny. Etnograficheskii ocherk* [Ossetians. Ethnographic essay]. Tiflis, 1924, pp.132-232.